

Мари Соль

ЯЙЦА ВСМЯТКУ

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

Соль М.
С60 Яйца всмятку / Мари Соль – М.: Литнет, 2025. – 358 с.

ISBN 978-5-521-93466-9

Ольга Сорокина - верная жена, дважды мама. А ещё она - главный технолог на хлебозаводе. И, когда руководство отправляет своих работников на медосмотр, она узнаёт кое-что о себе... и о муже. С этого дня её жизнь бесповоротно меняется. К лучшему ли? Узнаем в процессе.

ДВУХТОМНИК
Книга 1.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93466-9

© Литнет, 2025
© М. Соль, 2025

Глава 1

– Ой, девки! Ну, хватит уже! – восклицает Лариса Степановна. Наш заслуженный пекарь.

Весь наш хлебозавод нынче подвергли осмотру. Медицинскому. Анализы сдали, теперь заседаем у кабинета гинеколога. Готовимся показывать самое ценное, что у нас есть. Ради такого случая я даже надела нарядные трусики. Не те, что обычно ношу, до пупка. А с кружевами по краю.

Моя подружница, Инка, фонтанирует шутками. Мы смеёмся так громко, что нам уже сделали замечание проходящие мимо врачи.

Степановна, вытерев слёзы, встаёт:

– Я в туалет!

– Что, опять? – восклицают девчонки.

– Ну, а то! С вами девки, обоссаться не грех, – Лариса всегда излишне прямолинейна.

Я вздыхаю, мну в руках карточку. До чего не люблю гинекологов! И не потому, что стыдно. Чего уж там? Двоих родила! А просто не люблю, вот и всё. Как-то это всегда некрасиво, унижительно. Хотя и стараюсь блюсти чистоплотность. Вот сегодня я вымылась с мылом. Новое, для интимных мест. Наверное, это от него у меня там всё чешется...

На очереди в кабинет стоит Анюта, наш лаборант и моя подопечная. Я, к слову, главный технолог. Недавно сама в лаборантках ходила, так что особенно не зазнаюсь.

– Ну, чего ты? Иди давай! – шепчу я Анюте.

Та кусает губу и краснеет.

– Ольгонька Викторовна, – так она обычно зовёт меня, – Вы идите, а я постою, – и отходит.

Я со вздохом машу головой:

– Ну, как хочешь. Как по мне, чем скорее, тем лучше.

Заветный штампик о прохождении так ненавистного мной медосмотра уже почти в кармане. Точнее, в карточке. Так что, вхожу к гинекологу. С видом решительным и готовностью сдать мазок.

Женщина в возрасте, старше меня. Хорошо. Хорошо, не мужчина!

– Раздевайтесь, на кресло, – кивает она себе за спину.

Равнодушие – тоже неплохо. Уж лучше так, чем дотошный опрос. Я совершаю «стриптиз» за куцей ширмой. Думаю: «Для кого я надела трусы? Не иначе рассчитывала встретить мужчину доктора?». И сама усмехаюсь такому. Сажусь на постыдно кресло. До чего неприятно садиться в него...

Врач подходит. В перчатках и маске. Сев у меня между ног, принимается долго смотреть. Я в нетерпении ёрзаю.

– Давно у врача были? – голос её звучит глухо сквозь маску.

Я пожимаю плечами:

– Давно.

– Почему? – недовольно бурчит.

«Ну, вот», – раздражённо думаю я, – «Сглазила».

– Да как-то ничего не беспокоило, – говорю откровенно.

– Сексуальная жизнь регулярная? – равнодушным, бесчувственным тоном, интересуется врач.

Я, сглотнув, вспоминаю свой секс. Когда он был у нас с Женькой? Наверно, неделю назад. Я его особо не балую! Пока не попросит. Мне, честно признаться, особо не надо. По праздникам, разве что.

– Ну... да, – признаюсь. Регулярно редкий. Но регулярный же.

– Когда был в последний раз? – не унимается женщина-доктор.

«Да что ей надо от меня? Чего привязалась? Осматривать будет? Или будет таращиться только? Как будто увидела там самоцветы».

– Ды..., – я теряюсь, – Где-то неделю назад.

– Угу, значит, неделю, – бурчит, и прикасается. Только не к месту... Не к тому месту. А выше, к лобку. Шурудит, раздвигает раститель-

ность пальцами. Я, к слову, не бреюсь. Так, чуток подбреваю по контуру. Не люблю эпиляцию! Это для девочек юных ещё куда ни шло. А мне чего изощряться?

– Как часто партнёров меняете? – задаёт она сакраментальный вопрос.

Я аж в осадок выпадаю! Хорошо у стула есть ручки... Или ножки. В общем, держатели. А иначе бы съехала на пол.

– Как часто? Да вообще-то...

– Встаём, одеваемся! – резко бросает она. Успев за каких-нибудь пару мгновений раздвинуть мои... принадлежности, взять искомый мазок и подняться со стула.

Последний заданный ею вопрос так и остался без ответа. И, признаться, он меня оскорбляет даже! Я? Как часто меняю партнёров? Да, пожалуй, нечасто. Разве что в фантазиях. Если брать во внимание фантазии, то частенько. А так...

Но озвучить свои доводы теперь не решаюсь. Как-то упущен момент! Сажусь к столу, напивлив вещи обратно. И созерцаю, как женщина пишет что-то на буром листке.

– Купите мазь и шампунь. Вот эти. У нас здесь аптека есть, на первом этаже. Применять будете по инструкции. Через неделю ко мне на приём. Это ясно? – говорит и суёт мне рецепт.

Я, сощурившись, быстро читаю:

– Это что? От чего?

Может, у них так положено? Новое веяние. Всем прописывают какие-нибудь современные бады.

– От лобкового педикулёза, – выражается врач.

У меня в голове не загорается лампочка. Где-то слышала это слово. Но что оно значит, не помню.

– Это... что? – отвечаю практически шепотом.

– В народе, лобковая вошь, – усмехается доктор, – Не бойтесь, это не смертельно. Но волосы нужно сбрить целиком. И применять препараты на чистую кожу. У вас там расчёсы? Не видели?

Она упрекает меня своим взглядом и голосом. И я ощущаю себя виноватой, потерянной. Лобковая... вошь?

– Я... я думала, – лепечу, – Что это от мыла. Я вчера ещё им помылась и чесаться стало.

– Нет, мыло здесь не при чём, – изрекает она и принимается чиркать в моей без того перепачканной карте.

«О, хоспади», – думаю я. В голове помутнение. И вот сейчас я как раз ощущаю невыносимый зуд. И охота чесаться! Везде. И не только в промежности.

Закрываю глаза и пытаюсь унять сердцебиение. Между тем слышу ясное:

– Штампик о допуске вам не поставлю. Только когда пролечитесь.

На ватных ногах я встаю. Сжимаю в руках врученную мне карту вместе с рецептом. И, словно во сне, выхожу в коридор.

Анечка быстро ныряет за мной в кабинет. Я прислоняюсь к стене.

– Оль? Ты чего? Поплохело? – склоняется Инка. Она – бригадир. Громкоголосая, бойкая, шумная.

– Нет, всё нормально, – отодвигаю её. Думаю: «Где тут аптека?»...

Пока покупаю злосчастную мазь и шампунь, привожу мысли в порядок: «Нет, это не дело! Так не пойдёт. Я должна ей сказать». Меня отчего-то безмерно волнует, что подумает эта врачиха. Какая мне разница, что? Но волнует же!

Сделав усилие, я возвращаюсь назад. Вереница девчонок уже поредела. Наша дружная шобла почти рассосалась. Теперь место заняли бухгалтера.

– Мне только спросить! – восклицаю в несвойственной мне манере. И, отстранив ту из них, что стояла на очереди, прохожу в кабинет, где недавно была.

– Раздевайтесь, на кресло, – бросает доктор, не глядя. Мы все для неё на одно лицо. Точнее, на одну... Ну, в общем, вы поняли.

– Извините, – деловито бравирую я и сажусь на тот стул, где недавно сидела.

Женщина, кажется, заинтересовавшись моим появлением здесь, поднимает глаза от стола.

– Я хочу, чтоб вы знали..., – начинаю я резво, но теряю настрой. Слёзы мешают продолжить. Я опускаю глаза и машу головой, – Я не знаю, как жить. Как мне людям в глаза смотреть? А если руководство узнает? Меня же с работы попрут!

Я стыдно хлюпаю носом. Но ничего не могу с собой поделывать. Даже в мыслях такое страшно представить. А озвучив, вообще потеряла контроль.

– А муж? Что я мужу скажу? Я никогда и ни с кем не спала. Все двадцать пять лет я была ему верной. А тут... Я даже представить себе не могу, – вытираю я щёки, – Откуда всё это? Этот... педикулёз! Боже, стыд-то какой! Вроде всегда соблюдаю осторожность. Ничем чужим не пользуюсь. Неужели, в бассейне?

Мысли кончились, я подавляю рыдания, которые рвутся наружу. Ну, вот! Опозорилась. Пришла в желании выступить. А завершилось соплями...

Женщина шумно вздыхает. Снимает очки и кладёт их на стол. Ей лет шестьдесят, наверное. Грузная, очень усталая. Устанешь тут!

– Я вам так скажу. Про бассейн и возможность заразиться через полотенце и прочую утварь – это всё сказки про серых бычков. Да, такое случается. Редко! Как и случается тот же ВИЧ подхватить, даже пользуясь презервативом. Презерватив не гарантия, знаете ли. Но педикулёз, он же фтириаз, к ЗПП не относится. Однако, подхватить его проще всего именно через половой контакт. Причём, тесный и длительный! С человеком, у которого эта зараза уже прогрессирует. Я потому и спросила, как часто меняли половых партнёров и когда был последний секс.

Я прекращаю плакать. И думаю: «Через половой контакт?».

– Но ведь я же ни с кем не спала! – говорю то, зачем и пришла сюда. Чтобы сказать, что я – благопристойная женщина, а не какая-нибудь подзаборная шваль, которая партнёров меняет, как трусики.

– Не вы, – повторяет она, – Значит, муж, – и опять надевает очки, как ни в чём не бывало.

Я усмехаюсь:

– Да глупости! – а сердце пронзает укол недоверия. Рождая такую внезапную боль...

«Он не мог, это исключено», – повторяю себе. В кабинет проникает одна из бухгалтерш. Точнее, её голова. Недовольная, хмурая! На лице у неё читается: «А долго ещё?».

– Подождите! – сурово бросает врачаца.

Дверь закрывается.

– Я вас очень прошу, – я смотрю на бейджик, приколотый к кармашку её халата, – Валентина Ивановна, как женщину прошу! Поставьте мне штампик о допуске. Я без содержания возьму, на работу не выйду, пока не вылечусь. Вот, клянусь! Только поставьте, умоляю! Меня же на смех поднимут. Моя репутация... Страшно представить, что будет. Я ж двадцать лет отдала этому комбинату. С юности там, с малолетства считай.

Снова следует вздох. И суровая женщина-доктор, внезапно смягчившись в мой адрес, рождает ответную просьбу:

– Хорошо, я поставлю. Мне что, какого-то штампа жалко? Только уж и вы не подведите! Пока не пролечитесь, на комбинат свой ни ногой, ясно? Не хватало ещё, чтобы мне из-за вас сделали выговор.

– Нет, нет, я клянусь, – повторяю. Сложив ладони на сердце, смотрю на неё, как на деда Мороза. Который держит подарок в руках и решает – отдать, или нет.

Наконец выдыхаю, держа свою карту. И вроде немного полегче. Но...

– Ой! – опускаюсь на стул, – А это... заразно? А то, ведь мы с дочерью живём. Ей пятнадцать лет. Что же делать? – шепчу сквозь прижатые пальцы, – А вдруг она тоже... того?

– Дочь спит отдельно? – уточняет моя благодетельница.

– Да, у неё своя спальня. Своё полотенце. Но... вдруг? – даже страшно представить, но я представляю. И мысленно требую: «Боже, спаси, помоги».

– Значит так, – не спеша произносит врачиха, – Кипятите бельё, и своё, и дочернее. Стелите новое. Дочка пусть тоже помое шампунем промежность. А мужа, – она делает паузу, – Отправьте к врачу!

– Х-хорошо, – я усердно киваю. Вот прямо сейчас, как приду, как отправлю...

Поднимаюсь, уже устыдившись тому, как надолго её задержала. Обернувшись, роняю:

– А, может быть, всё же бассейн?

Надежда внутри меня гаснет, встречаясь со взглядом усталых и опытных глаз. Они говорят: «Дура ты дура, Сорокина! Чапай домой. Истреблять мандавошек».

Глава 2

Дома я делаю десять дел одновременно. Перво-наперво, моюсь с шампунем. Причём, настолько тщательно! Что, будь я сама мандавошкой, исдохла бы тотчас. Дальше берусь вычищать спальню Катки. Подвергаю осмотру трусы и постельное. По дороге домой начиталась. Что, якобы эти вредные твари способны оставить следы на белье.

«Ничего, слава богу», – выдыхаю, когда последние дочкины трусики отправляются в стирку. Запускаю кипячение на машинке. Своё же бельё кипячу по-старинке. В кастрюле, как мама учила! Натерев туда мыло и добавив тот самый шампунь. Не знаю, что делать с постельным, на котором мы спим с Женькой. Сжечь, не иначе!

Из прочитанного мною в интернете: *«Путем длительных экспериментов и детального изучения основных повадок вшей было установлено, что одна взрослая особь не в состоянии голодать более 2 суток»*. Я с каким-то несвойственным мне злорадством пакую бельё в целлофан. Как молитву твержу:

– Шоб ты сдохла скорее!

И оставляю его на балконе. Благо, сейчас не июль!

Дочка приходит, когда я мешаю свой «трусишный отвар» большой деревянной лопаткой.

– Фу, чё за вонизма? – кривит нос Катюша.

Она у нас модница. Широкие джинсы, кроссовки на высокой подошве. С последней зарплаты купила ей серьги. Сказала, что уши проколем, когда год закончит без троек.

– Бельё кипячу, – говорю. Открываю пошире окно.

– На фига? – выдыхает Катюша. И чавкает.